

ЛОЯЛЬНЫЙ ХАН МИЛЕЕ ХАМА

Как автономии идут к независимости

Убийство калмыцкой журналистки Ларисы Юдиной обнажило, на первый взгляд, незаметный процесс, идущий в недрах нашего государства, — формирование в инонациональных анклавах или окраинах России фактически независимых диктаторских государств. Несомненно, что Лариса Юдина погибла потому, что мешала завершению этого процесса в одной из бывших российских автономий. Объективно она была главным агентом Москвы в Калмыкии, постоянным и досадным для калмыцкого хана напоминанием, что он все-таки не полноправный хан. И дело тут отнюдь не в идеологии. Илюмжинов идеологически чуть ли не русский шовинист, а Юдина боролась не за подчинение Москве, а за демократию и права человека. Дело в объективном, не зависящем от идеологий процессе. Построение в рамках какого-то государства, на части его территории, диктатуры — это, можно сказать, по определению, и есть достижение этой территорией независимости. Диктатура — это суверенитет диктатора. И что бы ни думал сам Илюмжинов, объективно он уже почти вывел Калмыкию из состава России. Это отнюдь не чисто калмыцкий процесс. В разных формах он идет почти во всех бывших российских автономиях. Илюмжинов с его вряд ли праведно нажитыми миллиардами и упоением своим ханским единовластием очень не похож на вызывающего большие симпатии честного офицера Аушева, а Аушев совсем не похож на опытного аппаратчика Рахимова. Но результат один — и Калмыкия, и Ингушетия, и Башкирия постепенно превращаются в независимые государства. Более того, они уже сейчас фактически не менее суверенны, чем разбившая российскую армию Чечня-Ичкерия. Уже сейчас, чтобы арестовать видного ингушского чиновника, его надо обманом завлечь в Москву. Но так не только Басаева, но и Гельмута Коля арестовать можно. Вероятнее всего, очень скоро мы убедимся, что отстранить Илюмжинова уже невозможно, а это и есть независимость.

Каков же механизм этого процесса? Основа его — культурная. Народы бывших автономий — народы с очень не похожими на русскую культурами и сильным сознанием своего отличия от русских. При этом их культуры тяготеют к разным, но всегда в той или иной мере авторитарным политическим формам, не похожим ни на классические советские, ни на постсоветские российские. Они как бы перерабатывают, «натурализуют» политические институты, привносимые извне, из Москвы, в СССР под внешне советскими формами в Узбекистане, Туркменистане, Азербайджане и других «республиках» фактически сложились вполне национальные авторитарно-патриархальные системы, почти не нуждавшиеся в изменениях при переходе к независимости и подготовившие эту независимость. При этом позднесоветские азиатские диктаторы могли в случае противостояния с Москвой опираться на поддержку народов, которые, может быть, и постанывали под их властью, но всегда готовы были встать на защиту «своего» против чужаков, в чем смог убедиться Горбачев, когда замена Кунаева Колбиным вызвала в Алма-Ате первые беспорядки перестроечной эпохи.

Сейчас однотипные процессы идут в большинстве бывших российских автономий. И как совершенно независимо от своих субъективных намерений готовили свой страны к выходу из СССР Кунаев, Рашидов, Алиев и др., так и сейчас, также независимо от своих субъективных устремлений, готовят свои республики к выходу из состава России Илюмжинов и Аушев, Рахимов и Шаймиев.

Но процесс идет с двух сторон. СССР разваливали не только Алиев и Кунаев, его разваливал и Брежнев, а начал это делать едва ли не поздний Сталин. Москва разваливала СССР просто исчезновением у нее ясной преобразовательной цели и перспективы, потому что она перестала стремиться к чему-либо, кроме сохранения status quo и спокойствия. Формально Рашидовы и Алиевы были верными коммунистами, славословили Брежнева, дарили ему разные подарки и перевыполняли планы по хлопку. Спрашивается, что еще надо? Зачем зря «гнать волну» и искать себе на голову неприятности? Почему не позволить Алиеву управлять своим Азербайджаном, как он считает нужным, тем более что Восток — «дело тонкое»? И «яблоко» суверенитетов спокойно созревало, пока без особых усилий с чьей-либо стороны само не упало с ветки.

Сейчас происходит то же самое. Убийство Юдиной — это, в общем-то, случайный «переход границы». А так Ельцина и московские власти не очень-то волновало превращение Калмыкии в государство с совершенно не российскими порядками — без оппозиции, с официальным буддизмом и «Степным уложением», с возрождающимся культом личности. Ведь Илюмжинов верен России и никаких особых хлопот не доставлял, в Калмыкии — тишина и покой. А начни от него требовать приведения законов в соответствие с федеральными или пытаться его убрать, можно заработать новую Чечню. Кому это нужно?

Более того, в отличие от советской власти, постсоветская прямо нуждается в инациональных диктатурах. Для того чтобы убедиться в этом, надо просто посмотреть на результаты разных российских голосований по субъектам Федерации. Мы легко увидим, что без поддержки местных диктаторов Ельцин вряд ли набрал бы в 1996 г. необходимое большинство голосов. Бывшие автономии регулярно помогают власти во всех общероссийских голосованиях. Почему они это делают? Ясно, что калмыки, поддержавшие в 1996 г. Ельцина, голосовали за него не потому, что они сторонники демократии. Просто региональные диктаторы могли «продать» Ельцину голоса в уплату за невмешательство в их «внутренние дела». Это что-то вроде не очень обременительной дани вассалов, уплатив которую, вассалы получают покой.

Говоря все это, я отнюдь не хочу поднимать тревогу по поводу «распада России». Процесс суверенизации, очевидно, закономерен и неизбежен, и в моральном плане калмыки имеют ничуть не меньше, чем эстонцы, оснований иметь свое государство. Я просто описываю процесс и его движущие силы. Но зададим все же вопрос: можно ли этот процесс остановить или хотя бы, задержать? Мне думается, что остановить или задержать этот процесс можно двумя прямо противоположными методами. Во-первых, террором центра. Но отнюдь не просто террором, направленным на сохранение status quo, а террором, преследующим некую цель, большую, чем самосохранение государства, — как это было у ранних большевиков. При них локальные диктатуры были невозможны, ибо все было подчинено единой цели, единой идеологической диктатуре.

Второй путь — это, напротив, путь построения действительно правового государства и пронизывающей все общество демократии, при которой в Калмыкии просто не может не быть многопартийности, и поскольку она все же в составе России, ее партии не могут не вступать в какие-то общероссийские блоки, и, таким образом, вся Калмыкия втягивалась бы в общероссийскую жизнь. Демократия не гарантирует от сепаратизма, но ослабляет его и минимизирует его последствия, как мы видим это на примере Канады, оказавшейся во много раз более прочным образованием, чем Югославия и СССР.

И настоящий тоталитаризм, и настоящая демократия каждый по-своему втягивают инациональные анклавы в жизнь большого общества и препятствуют сепаратизму. Но то, что есть у нас, с точки зрения сохранения целостности государства — вариант самый неудачный. Поэтому процесс суверенизации бывших автономий у нас будет, идти довольно быстро. Как далеко он уже зашел, какова степень реальной независимости Калмыкии, мы увидим очень скоро.